УДК 332.1

СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВЛИЯНИЕ НА КОРЕННЫЕ НАРОДЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАКТИКИ

А.С. Хахаева
Российский университет кооперации, Мытищи, email: prokopeva.arina@bk.ru

Аннотация. *Исследуются социальные аспекты регионального развития Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) с акцентом на влияние реализуемых программ на качество жизни населения и положение коренных малочисленных народов Севера на основе количественного сопоставления показателей социальной инфраструктуры, доходов, бедности, медицинского и образовательного обеспечения. Проведённое сравнение позволило выявить территориальные различия между российскими регионами АЗРФ и арктическими территориями зарубежных стран. Установлено, что социальное развитие северных регионов России характеризуется высокой дифференциацией в плотности инфраструктуры и доступе к социальным услугам, при этом наиболее устойчивые показатели демонстрируют Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа. Выявлено, что эффективная социальная политика в Арктике возможна при интеграции государственного, корпоративного и общественного управления, адаптации международных практик и развитии механизмов участия коренных народов в принятии решений.*

Ключевые слова*: Арктическая зона, коренные народы, социальное развитие, региональная политика, международный опыт.*

THE SOCIAL DIMENSION OF REGIONAL DEVELOPMENT IN THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION: IMPACT ON INDIGENOUS PEOPLES AND INTERNATIONAL PRACTICES

A.S. Hahaeva
Russian University of Cooperation, Mytishchi, email: prokopeva.arina@bk.ru

Abstract. *The social aspects of regional development in the Arctic zone of the Russian Federation (AZRF) are examined, with an emphasis on the impact of ongoing programmes on the quality of life of the population and the situation of the indigenous peoples of the North, based on a quantitative comparison of indicators of social infrastructure, income, poverty, healthcare and education. The comparison revealed territorial differences between the Russian regions of the ARRF and the Arctic territories of foreign countries. It was found that the social development of Russia's northern regions is characterised by high differentiation in infrastructure density and access to social services, with the Yamal-Nenets and Nenets Autonomous Okrugs showing the most stable indicators. It was found that effective social policy in the Arctic is possible through the integration of state, corporate and public governance, the adaptation of international practices and the development of mechanisms for the participation of indigenous peoples in decision-making.*

Keywords: *Arctic zone, indigenous peoples, social development, regional policy, international experience.*

Дата поступления статьи в редакцию: 01.10.2025
Дата принятия статьи в печать: 06.11.2025

Введение

Арктическая зона Российской Федерации (далее – «АЗРФ») является важнейшим стратегическим пространством для государства, на территории которого сосредоточены ключевые месторождения углеводородов, минеральных ресурсов и транспортные коридоры. Однако развитие Арктики не может сводиться только к экономическим показателям: от качества жизни населения зависит устойчивость освоения региона. В АЗРФ проживает около 2,6 млн человек, из которых приблизительно 100 тысяч составляют представители коренных малочисленных народов Севера – около 4 % населения [1], проживающие на территориях от Мурманской области до Чукотского автономного округа (далее – «АО») и сохраняющие традиционные виды деятельности и уникальное культурное наследие. Перечень коренных малочисленных народов закреплен законодательно Распоряжением Правительства РФ от 17.04.2006 N 536-р и использован при проведении количественного анализа в настоящей статье [2].

Результаты исследования

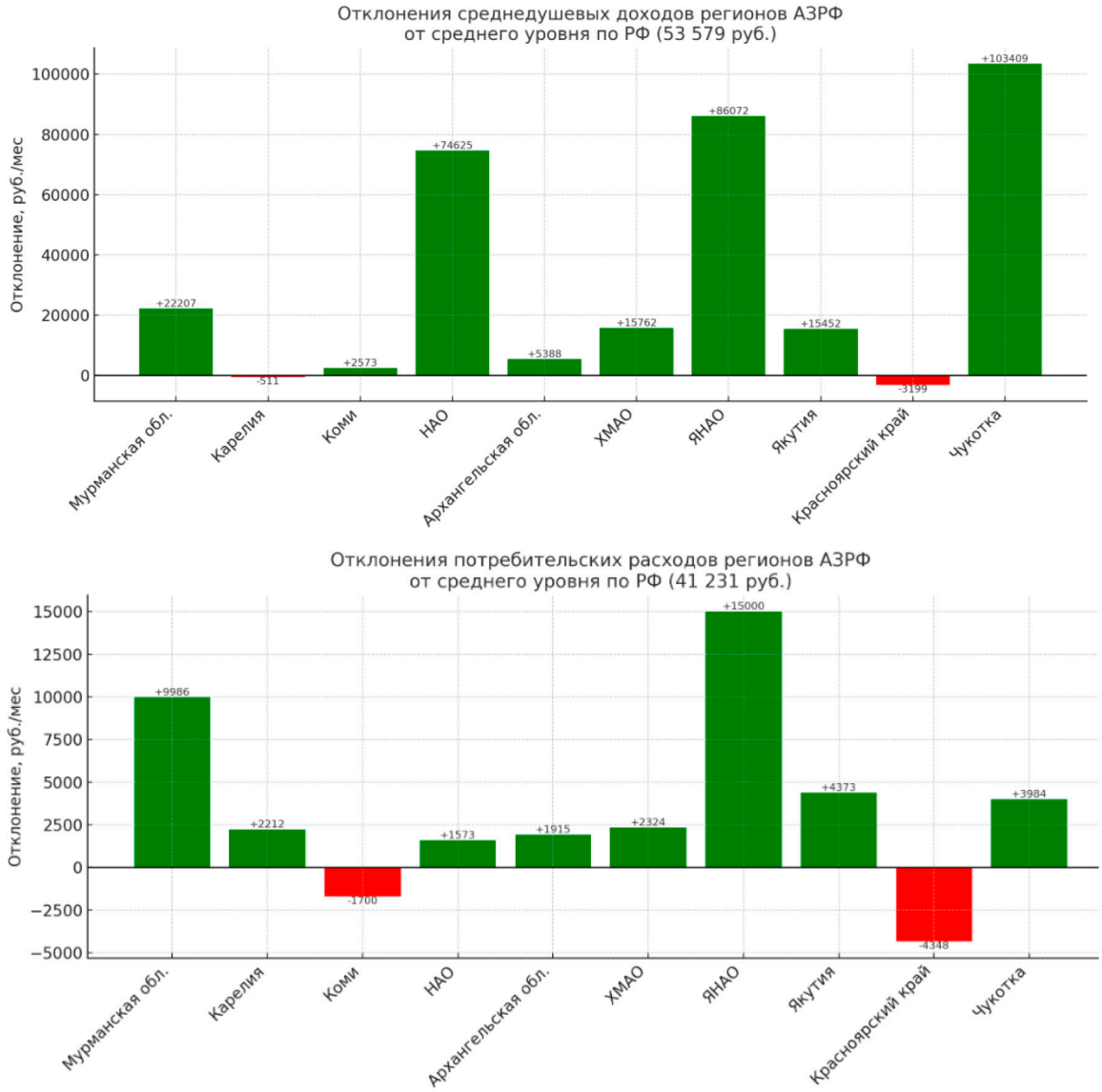

Рис. 1. *Отклонения среднедушевых доходов и потребительских расходов в регионах АЗРФ от общероссийского уровня*

Для сопоставления социального положения регионов АЗРФ использованы показатели: общая численность населения, доля коренных малочисленных народов, среднедушевой доход населения, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, уровень потребительских расходов, среднемесячный размер социальной поддержки на одного пользователя, которые представлены в таблице 1, а также отдельно проанализированы индикаторы, относящиеся к медицинской инфраструктуре и образованию: количество больниц в регионе, количество больниц на 1 тыс. кв. км, количество врачей на 10 тыс. жителей региона, количество студентов.

Уровень среднедушевых доходов населения в целом по РФ за сопоставимый период – 53 579 тыс. руб., потребительских расходов – 41 231 тыс. руб. [3]. Сравнение региональных значений в АЗРФ с общероссийским уровнем представлено на рисунке 1.

Среднемесячный размер социальной поддержки сопоставим между регионами АЗРФ, но является наиболее высоким в ЯНАО и Республике Саха (Якутия), что связано, с одной стороны, с высокой долей сельского и коренного населения, которое активно вовлечено в государственные программы льгот и субсидий (оленеводы, жители труднодоступных районов), а с другой – с корпоративной социальной политикой добывающих компаний, базирующихся в этих регионах.

Таблица 1

Сравнительные социально-экономические показатели арктических регионов за 2024 год

Регион	Население, тыс. чел.	Среднедушевые доходы, руб./мес.	Потребительские расходы, руб./мес.	Среднемесячный размер соц. поддержки, руб.	Доля населения с доходами ниже границы бедности, %
Мурманская область	656,4	75 786	51 217	1 444	6,5
Республика Карелия	523,9	53 068	43 443	1 194	10,2
Республика Коми	720,6	56 152	39 531	1 009	11,2
Ненецкий АО	42,2	128 204	42 804	1 284	7,2
Архангельская область	998,1	58 967	43 146	980	8,5
Ханты-Мансийский АО – Югра (далее – «ХМАО»)	1 759,4	69 341	43 555	1 129	6,5
Ямало-Ненецкий АО (далее – «ЯНАО»)	516,0	139 651	56 231	1 355	3,6
Республика Саха (Якутия)	1 001,7	69 031	45 604	1 476	14,0
Красноярский край	2 846,1	50 380	36 883	1 160	12,7
Чукотский АО	48,0	156 988	45 215	1 039	4,6

Социальный профиль АЗРФ отличается противоречивостью: в большинстве северных регионов среднедушевые доходы выше среднероссийских; кроме того, за исключением Республики Карелия, разрыв по доходам превышает разрыв по потребительским расходам, что указывает на специфику ценовой и доходной структуры в условиях Севера. Лидирующие позиции по доходам занимают регионы с высокой концентрацией добывающих отраслей: Чукотский АО – 157 тыс. рублей в месяц в 2023 году, ЯНАО – 140 тыс. руб., Ненецкий АО – 128 тыс. руб. С другой стороны, часть жителей продолжает жить за чертой бедности: ЯНАО имеет лишь 3,6% населения с доходами ниже прожиточного минимума, Чукотка – 4,6%, тогда как Республика Саха (Якутия) – 14%. Совокупно самые высокие доходы и наименьшая доля населения за чертой бедности наблюдаются в ЯНАО и Чукотском АО. Якутия выделяется высоким процентом населения за чертой бедности при относительно среднем уровне доходов. Развитие арктических территорий требует баланса между экономическими интересами корпораций и правами местных сообществ; именно в этом заключается социальное измерение региональной политики.

Сравнение с арктическими регионами других стран

Для оценки социального развития АЗРФ важно сопоставить российские данные с показателями других арктических территорий. Североамериканские арктические территории лидируют: например, располагаемые доходы в Аляске превышают 70 тыс. долларов в год [4], в Канаде – 34 тыс. долларов в год [5]. Однако высокая стоимость жизни и транспортная удалённость ведут к неравномерности распределения богатства и недостаточности социальной инфраструктуры – аналогично российской Чукотке.

Социальное измерение регионального развития включает качество жизни населения, социальную инфраструктуру и сохранение культурного наследия. В арктических условиях оно приобретает особое значение: недостаток медицинских учреждений, школ и высокоскоростной связи усиливает изоляцию поселений, а развитие дорожной сети и транспортной доступности способно снизить стоимость товаров и услуг, улучшить мобильность и доступ к рынкам. Показатели медицинской инфраструктуры и образования в регионах АЗРФ представлены в таблице 2.

Показатели отражают крайне неравномерное распределение образовательной и медицинской инфраструктуры между регионами АЗРФ. Мурманская область, Республика Карелия и Республика Коми демонстрируют наибольшую плотность больниц (0,11 – 0,26 на 1 тыс. кв. км) и устойчивую концентрацию студентов вузов, что отражает более развитую социальную инфраструктуру и доступность услуг. Напротив, обширные территории, такие как Республика Саха (Якутия), Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа, характеризуются крайне низкой плотностью медицинских учреждений (0,001 – 0,03 на 1 тыс. кв. км) при относительно высокой обеспеченности врачами на душу населения, что свидетельствует о компенсаторном механизме кадрового насыщения при пространственном дефиците объектов социальной сферы. В целом наблюдается обратная зависимость между площадью региона и плотно-

стью инфраструктуры, что указывает на необходимость дифференцированной региональной политики в сфере медицины и образования с учётом экстремальных природно-географических условий Арктики.

Таблица 2

Показатели медицинской инфраструктуры и образования в регионах АЗРФ

Регион	Площадь, тыс. кв. км	Студенты вузов, тыс. чел.	Врачей на 10 000 чел. населения	Количество больниц	Больниц на тыс. кв. км
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5) = (4) / (1)
Мурманская область	144,9	7,5	56,6	38	0,26
Республика Карелия	180,5	10,9	59,9	33	0,18
Республика Коми	416,8	13,1	53,7	45	0,11
Ненецкий АО	176,8	–	52,8	2	0,01
Архангельская область	589,9	17,8	61,9	48	0,08
ХМАО	534,8	20,2	58,2	54	0,10
ЯНАО	769,3	0,1	69,9	24	0,03
Республика Саха (Якутия)	3 083,5	23,2	60,3	57	0,02
Красноярский край	2 366,8	65,6	49,9	124	0,05
Чукотский АО	721,5	0,1	76,4	1	0,001

Сравнение с арктическими регионами других стран

В Норвегии, Швеции и Финляндии действует универсальная система здравоохранения и высокий уровень кадрового обеспечения: в Норвегии на 10 000 жителей приходится 52 врача и 183 медсестры, в Финляндии – 36 и 190 соответственно, в Швеции – 43 и 116. В Канаде и США (включая Аляску) обеспеченность ниже – около 24 – 28 врачей и 110 – 124 медсестёр на 10 000 населения [6]. В Гренландии действует всего 5 больниц, что соответствует 0,09 больницы на 1 000 жителей и 0,0023 – на 1 тыс. кв. км. [7].

Охват высшим образованием превышает 90% в Норвегии и Финляндии, в то время как в Канаде он составляет около 77%, в США – 79%. [8]. В Гренландии доля лиц с высшим образованием существенно ниже (около 11% взрослого населения) [9], что отражает сложности доступа к вузам.

Стабильное социальное развитие уменьшает миграционный отток, что особенно важно для коренных малочисленных народов: уход трудоспособного населения приводит к исчезновению языков, обрядов, традиционных знаний. Программы поддержки, такие как создание территорий традиционного природопользования, субсидии оленеводческим и рыболовецким хозяйствам, строительство культурных центров, позволяют сохранить идентичность и обеспечивают занятость.

В российских арктических регионах проживают более 80 тыс. представителей коренных малочисленных народов, представленных в таблице 3, их численность имеет тенденцию к росту, особенно в Ненецком и ЯмалоНенецком автономных округах.

Таблица 3

Коренные малочисленные народы, представленные в регионах АЗРФ

Регион	Коренные малочисленные народы и доля их населения
Мурманская область	Саамы – 0,2%
Республика Карелия	Вепсы – 0,5%
Республика Коми	Ненцы – 0,04%; ханты – 0,01%; манси – 0,001%
ЯНАО	Ненцы – 8,9%; ханты – 2,5%; селькупы – 0,5%
Ненецкий АО	Ненцы – 17,9%
Красноярский край	Долганы – 0,2%; ненцы – 0,2%; эвенки – 0,1%; кеты – 0,04%; нганасаны – 0,03%; селькупы – 0,01%; энцы – 0,01%; чулымцы – 0,01%
Республика Саха (Якутия)	Эвенки – 2,9%; эвены – 1,6%; долганы – 0,2%; юкагиры – 0,2%; чукчи – 0,1%
Чукотский АО	Чукчи – 28,3%; эскимосы – 3,1%; эвены – 2,7%; чуванцы – 1,6%; юкагиры – 0,3%; коряки – 0,1%; кереки – 0,01%

Доля коренных малочисленных народов является самой высокой в Чукотке (36,1%), тогда как в Мурманской области, Республиках Карелия и Коми и Красноярском крае она не превышает долей процента. Несмотря на это, многие группы сталкиваются с угрозой ассимиляции, тогда задачей региональной экономической политики является создание условий, позволяющих сохранять традиционный уклад и одновременно обеспечивать доступ к современному образованию и здравоохранению.

Взаимодействие коренных малочисленных народов с промышленными компаниями остаётся сложным. Проекты по добыче нефти, газа и цветных металлов часто затрагивают пастбища, рыболовные угодья и священные места. В ЯНАО действует институт общественных советов при предприятиях, которые согласовывают маршруты трубопроводов и компенсируют ущерб оленеводам. В Красноярском крае власти сообщают, что из 16 тыс. представителей малочисленных народов 3,5 тыс. продолжают заниматься традиционными промыслами, а программы поддержки включают закупку оборудования и рыболовецких снастей [10]. Расширение таких практик способствует снижению социального напряжения.

Сравнение с арктическими регионами других стран

Канада обеспечивает коренным народам значительную автономию: созданные территории инуитов (Нунавут, Нунатсиавут) обладают широкой политической самостоятельностью, закреплены механизмы совместного управления землями и ресурсами. Соглашения о разделе доходов предусматривают выплату роялти общинам от добычи полезных ископаемых и участие в разработке проектов [11].

Норвегия внедрила модель саамского парламента, который представляет интересы коренных народов и консультирует правительство: саамы имеют гарантии использования языка, государственная поддержка обеспечивает сохранение традиционного уклада [12]. Успешно внедряются проекты совместного управления пастбищами и рыболовными угодьями.

Гренландия в составе Дании обладает автономией, позволяющей контролировать большинство внутренних дел. Закон «О самоуправлении» дает местным властям право распоряжаться природными ресурсами, а Дания оставляет за собой внешнюю политику и оборону [13]. Региональная политика направлена на поддержку использования языка, традиционной культуры и развитие инфраструктуры в интересах местного населения.

На Аляске развиваются корпорации коренных народов (Alaska Native Corporations), которые управляют землями и активами, участвуют в крупном бизнесе, разделяя дивиденды между акционерами – членами племенных общин [14]. Такая модель сочетает рыночные механизмы с коллективным владением и способствует повышению уровня жизни.

Выводы

Проведённый анализ показывает, что социальное развитие в АЗРФ определяется комплексом факторов. В нефтегазовых автономных округах (ЯНАО, Ненецком АО, ХМАО) высокие доходы сочетаются с низкой долей бедности, но обеспеченность больницами ниже в расчёте на площадь. Проблемой остаётся географическая доступность услуг: огромные расстояния требуют развития телемедицины, мобильных медбригад и транспортной инфраструктуры. В Мурманской области и Карелии, напротив, плотность больниц выше, но средние доходы ниже, а бедность – выше. В Коми и Красноярском крае заметны кадровые дефициты: число медработников на 10 000 жителей уступает показателям автономных округов, что усугубляется более высокой долей населения, проживающего в сельской местности.

Сравнение с зарубежными практиками показывает, что ключевыми факторами успеха являются высокий уровень финансирования здравоохранения и образования, равномерное распределение ресурсов и активная государственная поддержка коренных народов. Скандинавские страны демонстрируют, что даже в условиях малой плотности населения возможно обеспечить универсальный доступ к медицинским услугам и образованию при условии развитой инфраструктуры и мобильных сервисов. В Канаде и на Аляске общины получают прямые выплаты и имеют собственные корпоративные структуры, в Норвегии существует парламентарное представительство. В России создаются зоны традиционного природопользования и общественные советы, однако участие коренных народов в управлении и распределении доходов пока ограничено.

Эффективная адаптация международных практик предусматривает развитие органов самоуправления коренных народов, правовое закрепление компенсаторных обязательств пользователей земель и ресурсов, а также увеличение квот и механизмов представительства коренных малочисленных народов в органах власти. Приоритет – культурно-языковая поддержка как условие сохранения идентичности в условиях модернизации экономики.

Сотрудничество и совместная работа государства, бизнеса и коренных народов может быть ключом к устойчивому развитию Арктики, где государство создает законодательные условия и гарантирует права общин; бизнес – развивает корпоративную социальную ответственность, создает рабочие места, инвестирует в инфраструктуру и поддерживает традиционные промыслы; коренные народы – активно участвуют в принятии решений и реализации проектов. Такая модель позволит выработать российский путь развития Арктики, сочетающий экономическую эффективность и социальную справедливость.

Социальная составляющая развития Арктической зоны Российской Федерации неразрывно связана с экономическими успехами. Поддержка коренных малочисленных народов, сокращение бедности, развитие социальной инфраструктуры и участие местных жителей в управлении ресурсами обеспечивают устойчивость и гармоничность освоения Арктики. Сравнение с международным опытом позволяет выделить эффективные практики автономии и распределения доходов. Российская модель должна сочетать инновации с уважением к традициям, обеспечивая благополучие настоящих и будущих поколений.

Литература

1. Филобокова Л.Ю., Хахаева А.С. Арктическая зона РФ: состояние, особенности, проблемы и перспективы развития // Вопросы региональной экономики. 2024. № 4 (61). С. 173-185.

2. Распоряжение Правительства РФ от 17.04.2006 N 536-р. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59703/3f82cd68de4903c3be21ef88ebc86f7582cf857f/ (дата обращения: 30.09.2025).

3. Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. М.: Росстат, 2024. 1081 с.

4. U.S. Bureau of Economic Analysis. Personal Income by State, 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bea.gov/data/income-saving/personal-income (дата обращения: 03.09.2025).

5. Statistics Canada. Household income, median and average, 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www150.statcan.gc.ca/t1/tbl1/en/tv.action?pid=1110000801 (дата обращения: 03.09.2025).

6. OECD Health Statistics 2024. Doctors and nurses per 10 000 inhabitants by country. [Электронный ресурс]. URL: https://stats.oecd.org/index.aspx?DataSetCode=HEALTH_REAC (дата обращения: 10.09.2025).

7. Statistics Greenland. Health and social conditions, 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://stat.gl/publ/en/HE/2023/pdf/Health_Statistics.pdf (дата обращения: 03.09.2025).

8. UNESCO Institute for Statistics. Gross enrolment ratio, tertiary education, 2022. [Электронный ресурс]. URL: http://uis.unesco.org/en/topic/education (дата обращения: 10.09.2025).

9. Government of Greenland. Education in Greenland: Statistical Yearbook 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://stat.gl/publ/en/ED/2023/pdf/Education_Statistics.pdf (дата обращения: 10.09.2025).

10. Министерство промышленности, энергетики и жилищно-коммунального хозяйства Красноярского края. Доклад о поддержке традиционных промыслов КМНС, 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://krskstate.ru/databank/kmsn (дата обращения: 01.09.2025).

11. Government of Canada. Nunavut Land Claims Agreement Act, 1993. [Электронный ресурс]. URL: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/N-28.6/ (дата обращения: 12.09.2025).

12. Norwegian Ministry of Local Government and Regional Development. The S mediggi (Sami Parliament) and Sami Rights, 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.regjeringen.no/en/topics/indigenous-peoples-and-minorities/Sami-People/samediggi/id1403/ (дата обращения: 12.09.2025).

13. Government of Greenland. Act on Greenland Self-Government, 2009. [Электронный ресурс]. URL: https://naalakkersuisut.gl/en/Naalakkersuisut/Greenland-Self-Government-Act (дата обращения: 12.09.2025).

14. U.S. Department of the Interior. Alaska Native Corporations and Their Role in Alaska's Economy, 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bia.gov/alaska/native-corporations (дата обращения: 12.09.2025).